Михаил Андреевич Робинсон (Michael Andreevich Robinson)*

Научная деятельность Н.Н. Дурново во время командировки в Чехословакию (1924–1927)

Scientific Activities of N.N. Durnovo during His Mission to Czechoslovakia (1924–1927)

<https://doi.org/10.1515/cjss-2021-2008>

Published online August 30, 2021

Аннотация: История славистики складывается как из истории различных идей, концепций и научных организаций, так и из судеб отдельных ученых, на которые влияют не только состояние названной области науки, но и жизнь общества в целом. Публикуемый труд относится к области историко-антропологических исследований и проведен с позиций «новой биографической истории» или «персональной истории», особенно плодотворных при изучении судьбы ученых, в данном случае известного слависта, и предполагающих повышенное внимание к культурно-историческому контексту эпохи. Анализ архивных документов позволяет реконструировать обстоятельства жизненного и научного пути ученого, проследить причины научной командировки Н.Н. Дурново за границу, которую он использовал для чтения лекций в университете Брно, работы в библиотеках в Праге, организации и участия в диалектологических экспедициях с целью изучения диалектов Карпатской Руси. Важным научным результатом Дурново стала подготовка и издание в Чехословакии его книги «Введение в историю русского языка», получившей высокую оценку его зарубежных и отечественных коллег и не утратившей своей актуальности для современной лингвистики.

Ключевые слова: новая биографическая история, персональная история, Н. Дурново, коллеги-слависты, история русского языка, переписка, семья

***Corresponding author: Михаил Андреевич Робинсон**, главный редактор журнала «Славяноведение», Институт славяноведения РАН, Москва, Россия,
E-mail: M.A.Robinson@mail.ru

Open Access. © 2021 Михаил Андреевич Робинсон, published by De Gruyter. This work is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Abstract: The history of Slavic studies is formed both from the history of various ideas, concepts and scientific organizations, and from the fate of the individual scientists, which are influenced not only by the state of the named field of science, but also by the life of society as a whole. The published work belongs to the field of historical and anthropological research and is carried out from the standpoint of “new biographical history” or “personal history”. It is especially fruitful when used to study the fate of scientists, in this case the famous Slavist, N.N. Durnovo, and suggesting increasing attention to the cultural and historical context of the epoch. The analysis of the archival documents allows us to reconstruct the circumstances of the life and scientific path of the scientist, to trace the reasons for the scientific trip of Durnovo abroad, which he used for lecturing at the University of Brno, working in libraries in Prague, organizing and participating in the dialectological expeditions in order to study the dialects of Carpathian Rus. An important scientific result of Durnovo was the preparation and publication in Czechoslovakia of his book *Introduction to the History of the Russian Language*, which was highly appreciated by his foreign and domestic colleagues and this one has not lost its relevance for modern linguistics.

Keywords: new biographical history, personal history, N.N. Durnovo, fellow Slavists, history of the Russian language, correspondence, family

В 1921 г. выдающийся русский лингвист Н.Н. Дурново (1876–1937) решил навсегда покинуть Саратов, где преподавал в университете. «Уехал из Саратова в командировку, но возвращаться обратно в Саратов не намерен. Там я пробыл целый год и схватил малярию»¹, – писал ученый 20 августа того же года председателствующему в Отделении русского языка и словесности (ОРЯС) Российской академии наук академику В.М. Истрину². «Кроме того, – добавлял Дурново, – [...] самый большой заработок, которого я там мог добиться, мог прокормить меня с семьей лишь в течение недели за целый месяц»³.

Но проблема с поиском средств на жизнь преследовала Дурново и в Москве. Университет подвергался постоянному реформированию, сопровождавшемуся сокращением преподавательского состава. «Понятно, – писал ученый, – что мне в таком Университете места не нашлось. Не удастся мне попасть и в Научно-исследовательский институт»⁴. «Пока, – писал Дурново, –

1 Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее: СПбФ АРАН). Ф. 332. Оп. 2. Д. 54. Л. 1.

2 Истрин Василий Михайлович (1865–1937) – лингвист.

3 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 54. Л. 1.

4 Там же. Л. 1 об.

я попал только в одно казенное учреждение – в образованный в Москве по личному желанию Ульянова редакционный Комитет по составлению общедоступного словаря русского литературного языка, так как участие в этом комитете дает паек и некоторый заработок, то приходится его держаться⁵. Заметим, что у Дурново было трое детей, старшему к этому времени исполнилось 11 лет.

Действительно, Комитет, в который устроился ученый, был создан по личной инициативе В.И. Ленина. Еще 8 января 1920 г. Ленин писал наркому просвещения А.В. Луначарскому⁶: «Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького». Возможное решение проблемы содержалось в вопросе, который он задавал Луначарскому: «Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?» (Ленин, 1970, т. 51, с. 121–122).

Спустя год, 6 мая 1921 г. Ленин интересовался у второго заместителя Луначарского Е.А. Литкенса⁷ ходом дела. Ответ Литкенса о том, «что Комиссия по созданию словаря русского языка не работает» (Ленин, 1970, т. 52, с. 400), вызвал у Ленина раздражение. После чего 19 мая он сам решил наметить конкретные шаги для начала работы над словарем: «1) Назначьте комиссию 3–5 лучших филологов. Они должны в 2 недели разработать план и состав окончательной Комиссии (для [определения] работы, ее состава, срока и пр.). 2) Задание – краткий (малый “Лярусс” образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию. 3) По их (3–5) докладу научно-академический центр должен утвердить. Тогда к осени начнем» (Ленин, 1970, т. 52, с. 199). Это письмо возымело действие, и в своем ответе Литкенс уже сообщал о том, что «создана первоначальная Комиссия в составе И.И. Гливенко⁸, П.Н. Сакулина⁹, А.Е. Грузинского¹⁰, Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушакова¹¹ и А.А. Буслаева¹²» (Ленин, 1970, т. 52, с. 405).

5 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 54. Л. 1. б.–2.

6 Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – государственный деятель, публицист.

7 Литкенс Евграф Александрович (1888–1922) – один из строителей системы советского просвещения.

8 Гливенко Иван Иванович (1868–1931) – литературовед. С 1921 до середины 1923 г. возглавлял отдел Наркомпроса Главнауку (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями).

9 Сакулин Павел Никитич (1868–1930) – литературовед.

10 Грузинский Алексей Евгеньевич (1858–1930) – литературовед.

11 Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942) – лингвист.

Высокое покровительство, казалось бы, должно было заставить Дурново крепче «держаться» за место в «комиссии», но почти сразу его разочаровали принципы организации работы в ней. В уже упоминавшемся письме Истрину он подчеркивал несовпадение своих взглядов на составление словаря с практикой, принятой руководителем Комиссии Сакулиным. Он писал: «Я все-таки думаю при первой возможности выйти из Комитета. Дело в том, что сначала я понимал свою задачу, как задачу в известной степени научную. Словарь должен был отличаться от академического большей сжатостью, отсутствием диалектического (диалектного. – М.Р.) материала и тем, что в него не должен был входить словарный материал из писателей XVIII в. Но с тех пор, как в нашем Комитете появился Сакулин, он при поддержке Гливенка, при пассивном отношении Ушакова и практическом понимании дела Грузинского, постарался придать делу совершенно ненаучный характер: писатели привлекаются в словарь по выбору, причем выбор их зависит от субъективных взглядов Сакулина, Грузинского и Гливенка: те писатели, которых они не читали, не привлекаются. [...] Все старания Комитета должны быть направлены к тому, чтобы Словарь не был лучше Стояновского¹³»¹⁴.

Несмотря на такие сомнения в успешности проекта, Дурново продолжал в нем участвовать. Существует свидетельство о том, что «к осени 1923 года в основном был подготовлен первый том словаря, однако закончить работу в тот период так и не удалось» (Ленин, 1970, т. 52, с. 397). Нам представляется, что с организационной стороны важнейшей причиной создавшегося положения стала потеря высокого покровительства. В январе 1924 г. скончался Ленин, и вскоре финансирование проекта было прекращено. Так, 24 марта 1924 г. А.И. Соболевский¹⁵ сообщал Е.Ф. Карскому¹⁶: «Только что лишили содержания Комиссию по составлению словаря р[усского] яз[ыка], состоявшую из Ушакова, Дурново и т.п. (главн[ым] обр[азом], членов Диалект[ологической] Ком[иссии] и остановили работы»¹⁷. И как отмечал М.Н. Сперанский¹⁸ в письме Истрину 29 июня 1924 г.: «В очень тяжелом положении

12 Буслаев Алексей Александрович (1897–1965) – филолог, председатель Московского лингвистического кружка (1920–1922).

13 Стоян Петр Евстафьевич (1884–1961) – русский филолог, автор известного «Малого толкового словаря русского языка», выходившего по крайней мере трижды (СПб., 1913, Пг., 1915, 1916).

14 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 54. Л. 2–2 об.

15 Соболевский Алексей Иванович ((1856/1857–1929) – филолог-славист.

16 Карский Евфимий Федорович (1860/1861–1931) – филолог-славист, этнограф.

17 СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 131. Л. 48 об.

18 Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) – литературовед-славист.

и Н.Н. Дурново: кроме 20 р[ублей] из “Кубу”¹⁹ – ни копейки, так как словарь (совр[еменного] русск[ого] языка – “Ленинский”), которым он существовал до сих пор, погиб, а службы никакой у него нет. Его, впрочем, м[ожет] б[ыть], удастся пристроить с грехом пополам в библиотеке в Музее^{20»}²¹.

Неопределенность будущего заставила Дурново предпринять поиски места работы за границей. За поддержкой ученый обратился к Академии наук и получил ее. В июне 1924 г. на имя Непременного секретаря Академии С.Ф. Ольденбурга²² поступило следующее ходатайство: «Отделение русского языка и словесности командирует Товарища Председателя состоящей при Отделении Московской Диалектологической Комиссии Николая Николаевича Дурново сроком с 15 июня по 15 октября с. г. в Чехословакию для научных занятий и для ознакомления с тамошней постановкой диалектологических изучений. Н.Н. Дурново едет на свой счет.

Отделение просит Непременного Секретаря возбудить о командировании Н.Н. Дурново надлежащее ходатайство»²³.

О действительных намерениях Дурново Сперанский сообщал Истрину 13 июля 1924 г.: «Что касается Н.Н. Дурново, то его намерение поехать за границу он мне объяснял так: деньги на дорогу ему обещал Р.О. Якобсон²⁴. [...] Цель же поездки у него, по-видимому, не только позаняться, но и попытаться, нельзя ли там где-нибудь пристроиться, да еще с семьей. Стало быть, это – очередная фантазия нашего чудака!»²⁵. План ученого оказался исполнен только частично: он смог получить научную командировку, но так и не получил разрешение на выезд семьи.

Что же касается Якобсона, то он и в дальнейшем не оставлял Дурново без помощи. Ученый отмечал в своих показаниях, данных им уже в заключении в Соловецком лагере особого назначения: «В 1924 г., когда я после закрытия комитета по составлению словаря русского языка оказался без работы, он (Якобсон. – М.Р.) предложил мне приехать к нему в Чехословакию и обещал денежную поддержку. Когда я туда приехал, он выхлопотал мне пособие от Чешского министерства иностранных дел» (Робинсон, Петровский, 1992, с. 79).

¹⁹ Комиссия по улучшению быта ученых.

²⁰ Государственный исторический музей.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 153. Л. 62 об.

²² Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1141. Л. 5.

²⁴ Якобсон Роман Осипович (1896–1982) – российский и американский лингвист и литературовед.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 153. Л. 64.

Командировка планировалась недолгой, но Дурново, исходя из интересов научных исследований, решил задержаться. 18 января 1925 г. он направил в ОРЯС официальное заявление о продлении командировки, в котором обосновал ее научную необходимость: «Прошу Отделение продлить мою командировку в Чешско-Словацкую республику еще на год, ввиду того, что изучение русских (малорусских или украинских) говоров Карпатской Руси потребует значительно более продолжительного времени, чем я рассчитывал перед своей поездкой». Дурново указывал и на сложности, связанные с полевыми исследованиями говоров Карпатской Руси. Он отмечал: «...мне удалось побывать на Карпатской Руси только в январе 1925 г., причем я мог посетить только 4 села в Марамарошской жупе, принадлежащие различным говорам, и убедиться в чрезвычайной затруднительности производить диалектологические наблюдения в Карпатской Руси зимой». Собственно о состоянии изучения этих говоров Дурново писал следующее: «Хотя в настоящее время имеется ненапечатанная работа И.А. Панкевича²⁶ по картографии говоров, но эта работа не содержит детального анализа звуковых, грамматических черт карпаторусских говоров и не дает материала для установления отношения карпаторусских говоров в целом к украинским и галицким говорам, а также к соседним словацкому, мадярскому и румынскому языкам, влияние которых сильно сказывается на карпаторусских говорах, но научно недостаточно обследовано». Ученый особо отмечал специфику исторического бытования этих говоров и подчеркивал особое значение их исследования: «Детальное изучение карпаторусских говоров чрезвычайно важно для истории русских языков вообще и украинского, в частности, так как эти говоры не пережили целый ряд явлений, пережитых украинскими говорами, и позволяют судить об очень отдаленной эпохе в истории русских языков». Дурново также отметил, что подготовленный план поездки в Карпатскую Русь он отправил в Московскую диалектологическую комиссию²⁷.

Ученый не ограничился только формальным обращением в ОРЯС, но решил повторить свои доводы и в личном письме Истрину, тем более что его волновало негативное отношение руководства Академии к его самовольной задержке с возвращением. «Мне пишут, – сообщал Дурново Истрину 29 января, – что акад[емик] С.Ф. Ольденбург недоволен, что я просил командировку на 4 месяца, а до сих пор не возвращаюсь. Но я просил командировку на такой короткий срок, потому что рассчитывал, что мне удастся более продуктивно, чем оказалось на самом деле, использовать осенние

26 Панкевич Иван Артемович (1887–1958) – украинский филолог-славист.

27 СПФб АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1151. Л. 2–2 об.

месяцы, и потому что не знал, в каких я здесь окажусь условиях». Особо ученый останавливался на научных перспективах своих исследований. «Как только явилась возможность, – продолжал Дурново, – я отправился в Карпатскую Русь. На продолжительную поездку у меня не хватило средств, и пришлось побывать лишь в немногих пунктах. Поэтому поездка, хотя и была успешной во многих отношениях, не дала всех тех результатов, каких я жду от изучения карпатских говоров. А эти результаты должны быть значительны. Карпатские говоры были оторваны от остальной массы русских говоров очень долго и потому частью сохранили такие архаизмы, которых не сохранили другие русские говоры, частью развили совершенно своеобразные явления. [...] Местных научных сил, способных изучать эти говоры, почти нет, а тем, которые есть, не хватает того опыта, какой мы вынесли из своего изучения русских говоров. Проф[ессор] А.Д. Григорьев²⁸ – не лингвист и, кроме того, почти не имеет возможности выезжать из Ужгорода; Панкевич не обладает достаточной подготовкой для детального изучения говоров, кроме того, вовсе не интересуется карпаторусскими говорами на территории административной Словакии; историей русского или хотя бы украинского языка он в широких размерах не занимался, и его работы по диалектологии Карпатской Руси, представляя большую научную ценность, не могут удовлетворять историка языка. Остальные местные деятели вообще лишены научной филологической подготовки. От профессоров Колессы²⁹, Смаль-Стоцкого³⁰ и Яворского³¹ ожидать, что они займутся изучением говоров, нельзя». Ученый считал, что изложенные обстоятельства вполне могут служить ему оправданием. «После того как я уже приступил к изучению Карпатских говоров, – писал Дурново, – бросить эту работу в самом начале было бы более чем обидно». Можно предположить, что столь формальное отношение к его отъезду вызывало у ученого и удивление, и плохо скрытое раздражение. «Мое продолжительное пребывание в командировке никому никакого ущерба причинить не может, – напоминал Дурново, – так как я ни в каком учреждении, кроме Московской Диалектологической Комиссии, не состою. Если бы она меня вытребовала в Москву до выполнения мною моих задач, мне бы пришлось вернуться, оставив свое дело неоконченным, но

28 Григорьев Александр Дмитриевич (1874–1940) – фольклорист, историк древнерусской литературы.

29 Колесса Александр Михайлович (1867–1945) – украинский литературовед.

30 Смаль-Стоцкий Степан Иосифович (1859–1938) – украинский лингвист, славист, историк литературы, общественно-политический деятель.

31 Яворский Юлиан Андреевич (1873–1937) – литературовед, фольклорист.

думаю, что для нее те результаты, которые может дать изучение карпатских говоров, важнее, чем мое пребывание (и притом без работы!) в Москве». Подчеркивал ученый и то, что не забывал информировать коллег о своих исследованиях. «Отчеты о моих занятиях чешско-словацкой диалектологией и о поездке в Карпатскую Русь, – писал Дурново, – я послал в Московскую Диалектологическую Комиссию, причем просил второй из этих отчетов после того, как он будет доложен в Комиссии, переслать в Академию наук»³².

Оказалось, что волнения Дурново были преждевременны. ОРЯС сразу же ходатайствовало о продлении ему командировки. Уже 7 февраля исполнявший в то время обязанности Непременного секретаря академик И.Ю. Крачковский³³ доложил на заседании Правления РАН о «постановлении ОРЯС по вопросу о продлении заграничной командировки товарища Председателя Диалектологической Комиссии проф. Н.Н. Дурново». Ходатайство было поддержано и срок продлен сразу на год до 1 января 1926 г.³⁴

Находясь в командировке, Дурново не только читал лекции по истории русского языка и готовил на их основе книгу, совершал диалектологические экспедиции, но и активно сотрудничал с европейскими научными журналами, прежде всего это были пражская «Slavia», белградский «Јужнословенски филолог», лейпцигский «Zeitschrift für slavische Philologie», а также парижский «Revue des études slaves» и варшавский «Prace filologiczne». Среди его публикаций были многочисленные статьи и рецензии. Уже в следующем после приезда ученого в Чехословакию – в 1925 г. – появилось 10 его рецензий.

Следует отметить, что семь из них были откликами на исследования по украинскому языку, особенно если они затрагивали вопросы диалектологии (Дурново, 1969, с. 278–279). В круг интересов Дурново вошли работы П.А. Бузука³⁵, В.М. Ганцова³⁶, А.М. Колессы, А.Е. Крымского³⁷, С.М. Кульбакина³⁸, Е.Б. Курило³⁹ и С.И. Смаль-Стоцкого. В своих оценках ученый был особенно строг, если обнаруживал слабую профессиональную подготовку исследователя.

32 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 54. Л. 5–6 об.

33 Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – арабист.

34 СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1151. Л. 4.

35 Бузук Петр Афанасьевич (1891–1938) – лингвист-славист.

36 Ганцов Всеволод Михайлович (1892–1979) – украинский лингвист.

37 Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) – украинский востоковед.

38 Кульбакин Степан Михайлович (1873–1941) – лингвист-славист.

39 Курило Елена Борисовна (1890–1946) – украинский филолог.

В связи с этим можно отметить его письмо от 5 мая 1925 г. Б.М. Ляпунову⁴⁰ из Брно, в котором он касался исследований его ученика Бузука. «Меня очень удивляет, – писал Дурново, – отношение Фасмера⁴¹ к Вашей рецензии на Бузука. Объясняю это тем, что Фасмер еще раньше сговорился с Ганцовым, которого знает еще по Петрограду. Ганцов, конечно, человек очень талантливый, хорошо знаком непосредственно с сев[ерно]-малор[усскими] и украинский говорами, прошел хорошую школу, усвоил сравнит[ельно]-историч[еский] научный метод Шахматова⁴² и наблюдательность Щербы⁴³ и хорошо знаком с другими славянскими языками, но Фасмер должен же понимать, что в вопросах истории языка он ни в каком случае не может считаться авторитетом. Не думаю, чтобы Фасмер сколько-ниб[удь] дорожил участием в своем журнале⁴⁴ других украинцев, кроме Ганцова. Что касается Вашей рецензии, то все Ваши рецензии всегда, кроме отзыва о рецензируемой книге, содержат и собственные научные соображения по затронутым там вопросам, а потому, мне кажется, в интересах Фасмера было принять ее независимо от того, будет он печатать рецензию заправского украинца или нет. Думаю, что в Вашей рецензии на Бузука отмечены и положительные стороны книжки, которых я не заметил, а Ганцов не пожелал заметить»⁴⁵.

Дурново посчитал возможным высказать в письме и свое мнение о труде Бузука (Дурново, 1925), так как он и ранее ознакомился с исследованиями этого ученого (Бузук, 1918). «Я читал книжку Б[узука], – писал ученый, – после его “Очерков психологии языка” и рецензии на “Нариси” Шахматова и Крымского. Обе вещи мне очень не понравились, а потому и в “Короткій історії” мне, прежде всего, бросились в глаза те недостатки, какие я заметил там: некоторое легкомыслие, апломб и т.п., его полемика с Шахматовым и другими не отличается такой горячностью, резкостью и грубостью, как у украинцев, но носит какой-то мальчишеский характер. Идею единства русского яз[ыка] такими работами, как книжка Бузука, можно только провалить в глазах лиц, не читающих по-русски, а только по-польски, по-немецки и по-украински»⁴⁶.

Дурново обращал внимание на методологические просчеты Бузука. Он отмечал, что при следовании подобным методам, «может оказаться, что мы

40 Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943) – лингвист-славист.

41 Фасмер Максимилиан Романович (1886–1962) – русско-немецкий филолог-славист.

42 Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – филолог-славист.

43 Щерба Лев Владимирович (1880–1944) – лингвист.

44 «Zeitschrift für slavische Philologie».

45 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 22–22 об.

46 Там же. Л. 22 об.

примем черты случайного сходства за указания на ближайшее родство: по методу Смаль-Стоцкого и Цонева⁴⁷. «А метод Бузука, – подытоживал ученый, – ушел от методов Смаль-Стоцкого и Цонева недалёко». «Мне кажется, – продолжал Дурново, – что “Коротка історія” представляет вообще тактическую ошибку: стремление выдать себя за широкого украинца, сохраняя традиции неукраинской школы. Подчеркивание своего украинизма приводит, м[ежду] пр[очим], к употреблению в языке, чтобы не обвинили в москальстве, таких полонизмов, которых и украинцы избегают». Ученый видел серьезные недостатки и в освещении историографии проблемы: «Далее, в такой маленькой брошюре, как “Коротка історія”, возможно только двоякое отношение к своим предшественникам: или изложение существующих взглядов, как они есть, причем автор снимает с себя всякую ответственность за их правильность, или изложение своих взглядов, основанное на самостоятельной проработке этих вопросов. У Бузука нет ни того, ни другого». И довольно строго Дурново замечал: «Не произведя даже ничтожной доли той работы, какая произведена Шахматовым, он однако с большой самоуверенностью с ним полемизирует. Конечно, с Шахм[атовым] в очень многих случаях соглашаться нельзя, но для того, чтобы его опровергать, надо на что-ниб[удь] опираться, а у Б[узука] никаких собственных точек опоры нет»⁴⁸. Высказанные Дурново серьезные замечания не помешали ему в дальнейшем положительно отзываться о работе Бузука в области белорусской диалектологии⁴⁹.

Писал Дурново Ляпунову и о своей публикации (Дурново, 1925). Так, в письме от 19 августа 1926 г. он сообщал: «Зимой я составлял для Жужн[о-словенского] филол[ога] статью о славянском языкознании в России с 1915 по 1925 г., в начале ее поместил короткие сведения о русских славистах, умерших за это время, и чуть было не пропустил Евсеева⁵⁰, с которым был дружен и которого труды я очень высоко ценю; впрочем, не помню точно, – м[ожет] б[ыть], и на самом деле пропустил⁵¹». ⁵² Возможно, что на написание этой статьи Дурново подвигнул его товарищ, Якобсон, который вместе с Богатыревым⁵³ также опубликовали в 1923 г. работу о развитии славянской филологии в России (Якобсон, Богатырев, 1923).

47 Цонев Беньо (1863–1926) – болгарский славист-лингвист.

48 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 23–23 об.

49 Там же. Д. 319. Л. 71 об.

50 Евсеев Иван Евсеевич (1868–1921) – филолог-славист.

51 Дурново не забыл упомянуть Евсеева.

52 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 31.

53 Богатырев Петр Григорьевич (1893–1971) – фольклорист-славист, этнограф.

Статья Дурново вызвала неподдельный интерес у коллег. Когда журнал только появился в СССР, Ильинский в письме Ляпунову 8 апреля 1927 г. из всего содержания номера особо отметил именно ее. Он писал: «Благодаря любезности Л.А. Булаховского⁵⁴, мне удалось получить на нек[оторый] срок только что вышедшую V-ю книгу Южнослав[енского] филолога. Между прочим, там напечатан обширный отчет Дурново об успехах русской лингвистики за последнее десятилетие»⁵⁵.

В том же письме Ильинский затронул и другой сюжет, также связанный с Дурново. Он с возмущением писал: «Обратили ли Вы внимание в последней книжке Зап[исок] Укр[аинской] Акад[емии] (VII–VIII кн.) на крайне враждебный и безобразный выпад против Н.Н. Дурново? Очень жалею, что автор позволяет себе обобщать нек[оторые] мои строго специальные замечания»⁵⁶. Вызывает удивление с каким апломбом юный 23-летний критик, только два с небольшим года как окончивший Киевский институт народного образования, позволил себе рассуждать о научных достоинствах работ Дурново, сдабривая их политическими обвинениями. Н.З. Левченко⁵⁷ безапелляционно заявлял: «В делах документальной истории древнерусского языка Н. Дурново, как оно видно в его писаниях, не самостоятельный исследователь, а только компилятор (и то очень недаровитый) чужих трудов – преимущественно Шахматова и Соболевского»⁵⁸. Далее последовали глубокомысленные рассуждения: «Тот факт, что на арене русской науки смеленько выступают такие люди, как Н. Дурново, выныривая на свет из своей давнишней безвестности, наводит на некоторые грустные размышления. На наших глазах пала старая царская Россия, а вместе с тем на наших глазах падает старая “общерусская” наука» (Левченко, 1926, с. 428). К данным рассуждениям в полной мере относится сделанное ранее замечание Дурново о том, что полемика национально ориентированных украинских ученых отличается «горячностью, резкостью и грубостью».

Кстати, Ильинский очень высоко ценил исследования Дурново. Он писал ученому 5 февраля 1928 г.: «Ваши научные заслуги всеми признаются, и я едва ли выскажу только свое мнение, если напишу Вам, что вы являетесь естественным преемником Соболевского в Акад[емии] Наук»⁵⁹.

54 Булаховский Леонид Арсеньевич (1888–1961) – лингвист-славист.

55 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 142.

56 Там же.

57 Левченко Николай (Микола) Захарович (1900–1934) – украинский филолог-иранист.

58 Здесь и далее перевод с украинского языка.

59 РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 17. Л. 4–4 об.

Если выезд из страны был связан с большими трудностями, то и возвращение также было весьма непростым мероприятием. Даже для специалистов европейского уровня в СССР не находилось места для работы. Для Дурново невозможность получить на родине гарантированный заработок стала в течение многих месяцев препятствием к возвращению. В середине февраля 1926 г. Д.К. Зеленин⁶⁰ писал Соболевскому: «Карский мне говорил, что Дурново бомбардирует его просьбами устроить на службу в Питере. Дурново – профессор в Брно, но семью оставил в Москве, и будто бы семью не пускают из России. Кажется, Карский думает представить Дурново в академики»⁶¹.

О том, какие усилия предпринял Карский, мы узнаем из письма Дурново Ляпунову 19 августа 1926 г.: «Карский предлагает мне место в одном из учреждений Академии Наук. Если это удастся, то я, вероятно, осенью вернусь; если не удастся, придется остаться здесь на неопределенное время»⁶².

Тему возвращения Дурново поднимал во многих письмах Ляпунову в 1926–1927 гг. Так, 5 октября 1926 г.: «... я совсем было собрался ехать, но предполагавшееся место не освободилось, и я теперь не знаю, когда мне, наконец, удастся увидеться со своей семьей»⁶³. Ему же 17 мая 1927 г.: «Мое материальное и семейное положение начинают становиться катастрофическим, и я совершенно не могу себе представить, когда я буду иметь финансовую возможность вернуться из своей просроченной за отсутствием средств заграничной командировки»⁶⁴.

А сведения о положении семьи в 1927 г. не могли не огорчать ученого. Письма его сына⁶⁵ полны подобными фактами; 1 февраля: «Сейчас наше положение критическое: все кредиты исчерпаны, 2 недели мы голодаем, занимая по 20–30 коп[еек] и покупая на это хлеб»⁶⁶. В мае Дурново с okazji получил от жены письмо, полное тревог. «Меня удивляет, – писала она, – что ты теперь хочешь возвращаться, когда у тебя пропущены все сроки и ты, вероятно, считаешься уже эмигрантом. Мне здесь, все с кем бы я ни говорила, советуют предостеречь тебя от этого необдуманного шага, т.к. мне много рассказывали случаев, что возвратившиеся ужасно поплатились за свое доверие. Сейчас живетесь всем нам очень скверно без тебя, но мы знаем, по крайней мере, что тебе хорошо, ты здоров и на свободе.

⁶⁰ Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954) – этнограф, фольклорист.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 161. Л. 65 об.

⁶² СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 34.

⁶³ Там же. Л. 44.

⁶⁴ Там же. Л. 55 об.

⁶⁵ Дурново Андрей Николаевич (1910–1938) – сын Н.Н. Дурново.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1 Д. 12. Л. 8.

Это будет ужасно, если ко всем мучениям и лишениям нашим прибавится еще нравств[енная] мука о тебе»⁶⁷. Е.Е. Дурново⁶⁸ выражала слабую надежду: «Нельзя ли как-нибудь перейти в чеш[ское] подданство и тогда уже смело хлопотать через них о нашем переезде. Мне говорили, что это можно, но Андрюша и слышать не хочет о перемене подданства». И далее: «Бога ради, что-нибудь сделай, так жить невозможно, но не возвращайся, так как я очень боюсь за тебя. Уверяю тебя, что, по мнению многих, это очень опасно. Пожалуйста, сделай все возможное, чтобы мы опять могли жить все вместе. Мы все очень измучились за эти 3 года, и я с ужасом думаю, если так придется жить еще долго»⁶⁹.

В начале июля Дурново получил еще одно письмо от жены, которое не могло не огорчить его. К этому времени пропала еще одна возможность устроиться в Москве. Е.Е. Дурново передала мужу суждения о нем его коллег и друзей. Она писала, что после разговора с И.Г. Голановым⁷⁰, «ясно поняла, что тебе на твоих здешних друзей надеяться нечего, ни один из них и пальцем для тебя не пошевелит. [...] Он сказал, что получил от тебя длинное письмо, где ты просишь его похлопотать среди друзей о тебе. Целый месяц он собирался тебе ответить и не мог. “У меня духу не хватает написать правду, спустить с облаков мечтателя”. Теперь, по его мнению, такой век, что кажд[ый], чтобы устроиться самому, подставит ножку самому близкому другу, а ты ждешь, что в этой борьбе за существование кто-то помнит и думает о тебе»⁷¹. Далее она еще добавила: «За то, что ты бросил родную семью на попечение друзей и товарищей, они тебя очень осуждают»⁷².

Е.Е. Дурново полагала, что Голанов не одинок в своих резких суждениях: «Это мнение твоих истинных друзей, – писала она, – которые ценят тебя как ученого и хорошего человека, но тоже считают мечтателем и далеким от жизни человеком, чем ты в действительности и есть»⁷³.

О волновавших его проблемах Дурново вновь писал Ляпунову 13 октября 1927 г.: «Не знаю, когда в силах буду вернуться. Ни места, ни заработка в пределах СССР никак добиться не могу, а без этого мне денег даже на обратную дорогу не хватит». Дурново начинало серьезно беспокоить и то,

67 РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 16. Л.38.

68 Дурново Екатерина Евгеньевна (1881–1944) – жена Н.Н. Дурново.

69 РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 16. Л. 39 об.

70 Голанов Иван Григорьевич (1890–1967) – лингвист, с 1919 г. ученый секретарь Московской диалектологической комиссии.

71 РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 16. Л. 42.

72 Там же. Л. 42–42 об.

73 Там же. 16. Л. 43.

что его затянувшееся пребывание в Чехословакии все больше стало восприниматься на родине как эмиграция: «Большое спасибо за внимание, которое для меня особенно дорого тогда, когда почти все, кроме родных, меня забыли и, по-видимому, решили, что я больше и не вернусь. Даже Обнорский⁷⁴, который писал чаще других, не пишет мне с июня»⁷⁵. Но коллеги не забыли ученого, Ильинский сообщал Дурново 17 ноября: «А.М. Селищев⁷⁶, председатель секции Славяноведения Исслед[овательского] Инст[итута], говорил мне, что он при первой возможности постарается провести Вас в члены ее, хотя по роду Ваших занятий и интересов Вам надлежало бы быть в И[нсти]туте русс[кого] языка и литературы»⁷⁷.

К моменту получения письма от Ильинского Дурново уже занимался приготовлениями к отъезду в СССР, причиной стало неожиданное приглашение из Минска, поступившее в ноябре 1927 г. (подробнее см.: Робинсон, 2015). Это время совпало с изданием его книги (Дурново, 1927). О подробностях публикации Дурново дважды в октябре сообщал Ляпунову. Так, 1 октября он писал: «Печатаю 1-ю часть своего “Введения в историю русского языка”; напечатано уже 15 листов, остается листа 2. Книга получается очень скучная, п[отому] ч[то] 1-я глава больше библиографическая, а библиограф я плохой, 2-я глава содержит обзор говоров, куда вошло много из нашего “Опыта” (Опыт..., 1915. – М.Р.) и моего “Очерка” (Дурново, 1924. – М.Р.), хотя многое и изменено. Интересным, может быть, покажутся только прилагаемые к книге карты ю[жно]-в[елико]р[усских] и б[ело]р[усских] говоров и дополнения, в которых я пытаюсь взглянуть на явления языка с новой точки зрения»⁷⁸. Во втором письме 13 октября ученый старался объяснить недостатки своего труда. «В моей книге, – писал Дурново, – где очень много библиографии, Вы, вероятно, найдете, когда она выйдет, вопиющие пробелы. Но, надеюсь, что Вы не будете ко мне очень строги, имея в виду, что я писал книгу в Брне, где очень многого достать нельзя, а в Прагу приезжал только на короткое время и притом всякий раз по другим делам, так что не имел возможности заниматься серьезно, что я очень спешил поскорее кончить книгу, чтобы получить гонорар и послать поскорее в Москву, чтобы дети не умерли с голоду. В конце концов, я и сам своей книгой очень недоволен»⁷⁹. О спешке, с которой заканчивалась публикация труда, свидетельствует и письмо Дурново от 27 декабря 1927 г., которым он сопровождал

74 Обнорский Сергей Петрович (1888–1962) – лингвист.

75 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 57.

76 Селищев Афанасий Матвеевич (1886–1942) – филолог-славист.

77 РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

78 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 56 об.–56 (так).

79 Там же. Л. 58–58 об.

посланную Ляпунову книгу. «К этому экземпляру, – писал ученый, – приложены указатели именной и географический. Редактор “Spis”-ов⁸⁰, проф. Травничек⁸¹, не позволил мне приложить к книге эти указатели, и так как они уже были набраны, то я заказал себе на свой счет только 10 экземпляров этих указателей. Поэтому при других экземплярах, которые я пошлю в Ленинград, именного и географического указателей не будет. В книге оказался ряд опечаток и обмолвок, неисправленных мною ни в конце книги, ни в посылаемом Вам экземпляре. Список этих опечаток я думаю отлитографировать и прислать потом»⁸².

Коллеги Дурново делились своими впечатлениями от издания и с ним, и друг с другом. Так, первыми откликнулись из Сербии Кульбакин и Р. Кошутич⁸³, они оба поздравили Дурново с выходом книги. Так, Кульбакин писал 29 ноября 1927 г.: «Книга, по-моему, хорошая, очень удачная и с большой акрибией, и самостоятельная»⁸⁴. Кошутич не поскупился на похвалы в письме от 3 января 1928 г.: «Поздравляю Вас с Вашим прекрасным трудом. Как хорошо, что университет его напечатал. И для науки, и для студентов он необходим. Постарайтесь выпустить поскорее краткую сжатую историю русского языка. Шахматов безбрежен как море, а Соболевский недоступен»⁸⁵.

Позже, после возвращения Дурново на родину, его книга стала распространяться и здесь. Так, А.И. Томсон⁸⁶ писал Ляпунову: «Получил и просмотрел Дурново, Введ[ение] в истор[ию] рус[ского] яз[ыка] I. Полезная и прекрасно издана»⁸⁷. Недостатки издания, которые отмечал и сам автор, не остались незамеченными таким внимательным читателем как В.Н. Перетц⁸⁸. Никогда не скупившийся на критические замечания о трудах коллег, он отметил и некоторые достоинства исследования в письме Сперанскому от 18 марта 1928 г.: «Дурново прислал мне свою книгу – Введ[ение] в ист[орию] р[усского] яз[ыка]. Оригинально задумано, но довольно неуклюже: по Дурновски, как он сам. Пропусков масса. Но

80 Spisy – труды. Книга была издана в «Трудах философского факультета университета им. Масарика в Брне».

81 Травничек Франтишек (1888–1961) – чешский филолог-богемист.

82 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 64 об. –64.

83 Кошутич Радован (1866–1949) – сербский лингвист-славист.

84 РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

85 Там же. Д. 22. Л. 1.

86 Томсон Александр Иванович (1860–1935) – лингвист-славист.

87 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 319. Л. 204 об.

88 Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) – литературовед-славист.

дельнее чем, напр[имер], соотв[етствующие] части Очерка изуч[ения] р[усского] яз[ыка] Карского (Карский, 1926 – М.Р.)»⁸⁹.

Так как Дурново не оставлял надежды вернуться, то задумывался и о необходимости подготовить для Академии наук свой отчет. В уже упоминавшемся письме Ляпунову от 13 октября 1927 г. он сообщал: «Отчета о своей командировке до сих пор еще не могу кончить. Предполагаю включить в него подробности, 1) о своих диалектологических наблюдениях в Карпатской Руси (дополнения к моему 1-му отчету), 2) о своих занятиях чешским и словацким языками, 3) о международном византологическом съезде в Белграде весной 1927 г., 4) о научных учреждениях и библиотеках, имеющих отношение к славянской филологии, в Чехословакии, Югославии и, отчасти, в Вене, где я познакомился с библиотекой славянского семинария, 5) о научных изданиях и обществах в Чехословакии и Югославии, имеющих отношение к слав[янской] филологии и языковедению, 6) о своих личных научных занятиях.

За время профессора Вондрака⁹⁰ в библиотек[у] приобретались только чешские книги; после его ухода многое было разворовано; кое-что я нашел у самого Вондрака после его смерти»⁹¹.

Уже накануне отъезда из Брно 20 декабря Дурново вновь писал Ляпунову о составе своего отчета и способах его реализации: «В октябре до получения приглашения из Минска я приготовил обширный отчет о своих научных занятиях за 3 года Акад[емии] Наук, заключающий, а) характеристику изученных мною карпаторусских говоров, б) отчет о Византологическом съезде в Белграде (с изложением докладов Кульбакина, Скока⁹², Погорелова⁹³ и Фасмера и др[угими] подробностями), с) сведения о югославянских университетах, библиотеках, о племенном составе населения Суботицы и т.п., d) о моравской и словацкой диалектологии, е) о своих собственных работах. Но, получивши от Бузука просьбу прислать что-ниб[удь] для сборника, издаваемого Институтом Бел[аруской] Культ[уры], и не имея ничего готового, я послал ему 1-ю главу своего отчета, а без 1-ой главы, самой главной, посылат[ь] отчет в Академию не хочу... А кроме того, я не мог до сих пор найти переписчика и рассчитывал доложить свой отчет уже по приезде»⁹⁴. О получении этого материала Бузук еще 26 ноября сообщил Ляпунову: «Он (Дурново. – М.Р.) прислал, м[ежду] проч[им], для I т[ома] Сборн[ика] отд[еления] яз[ыка] и

89 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 188–188 об.

90 Вондрак Вацлав (1859–1925) – чешский филолог-славист.

91 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 59 об.

92 Скок Петар (1881–1956) – хорватский лингвист.

93 Погорелов Валерий Александрович (1872–1955) – филолог-славист.

94 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 45 об. –48.

лит[ературы] Инбелк[ульты]⁹⁵ свою статью о подкарпатских говорах»⁹⁶. В следующем году статья была опубликована (Дурново, 1928).

Следует отметить, что Дурново со временем решил все-таки передать свой отчет в Академию наук. Об этом свидетельствует записка Карского, направленная в Отделение гуманитарных наук Академии к его очередному заседанию: «Прилагаю при сем полученный на мое имя Отчет проф[ессора] Н.Н. Дурново о заграничной командировке с 1925 по 1927 г., поддержанной в свое время ОРЯС, прошу напечатать его в приложении к протоколам ОГН⁹⁷, так как этот отчет имеет выдающуюся научную ценность»⁹⁸. Включал ли отчет в себя только опубликованные в Белоруссии материалы или все обозначенные Дурново в письме Ляпунову, нам неизвестно, так как обнаружить его текст пока не удалось.

Командировка позволила Дурново создать труд, получивший высокую оценку в научном сообществе. Можно предположить, что только трагическая судьба ученого, его гибель в 1937 г., помешала скорой публикации книги на Родине. Такая возможность открылась уже вскоре после полной реабилитации Дурново в начале 1960-х гг. Книга была опубликована в 1969 г. (Дурново, 1969). Актуальность его исследования подтверждается переизданием труда в 2010 г. (Дурново, 2010).

Список литературы и источников

- Бузук, П.А. (1918). *Очерки по психологии языка: (Краткое руководство по вопросам общего языковедения)*. Одесса: А.А. Ивасенко.
- Дурново, Н.Н. (1924). *Очерк истории русского языка*. М.; Л.: Гос. изд-во.
- Дурново, Н.Н., & Бузук, П.А. (1925). Коротка історія української мови. I. Вступ. и звучня. Одеса, 1924. 60 с. *Slavia*, 4 (3), 582–587.
- Дурново, Н.Н. (1925–1926). Общее и славянское языкознание в России с 1914 по 1925 год. *Лужнословенски филолог*, (5), 240–297.
- Дурново, Н.Н. (1927). *Введение в историю русского языка*. Brno: Vydává filosofická fakulta.
- Дурново, Н.Н. (1928). Дыялекталагічная паездка у Падкарпацкую Русь улетку 1925 г. *Запіскі Аддзела гуманітарных навук Інбелкульты*, (2), *Працы класса філалогіі* 1, 220–229.
- Дурново, Н.Н. (1969). *Введение в историю русского языка*. М.: Наука.
- Дурново, Н.Н. (2010). *Введение в историю русского языка*. 2-е изд. М.: URSS.
- Карский, Е.Ф. (1926). *Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР*. Л.: Изд-во АН СССР.

⁹⁵ Институт белорусской культуры.

⁹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 32. Л. 61.

⁹⁷ Отделение гуманитарных наук АН СССР.

⁹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2–1929. Д. 27. Л. 17.

- Левченко, М. (1926). Філологічні курйози. (З приводу Н. Дурново) *Записки історично-філологічного відділу ВУАН. VII–VIII*, 427–429.
- Ленин, В.И. (1970). *Полное собрание сочинений*. 5 изд. М.: Политической литературы.
- Опыт диалектологической карты русского языка в Европе: С прил. очерка рус. диалектологии*. (1915). Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов & Д.Н. Ушаков (Сост.). М.: Синод. тип.
- Робинсон, М.А. (2015). Русские ученые-слависты и Белорусская академия наук в 1920-е годы. *Белоруссия и Украина: история и культура*. Вып. 5. М.: Институт славяноведения РАН, 319–372.
- Робинсон, М.А., & Петровский, Л.П. (1992). Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «Дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД). *Славяноведение*, (4), 68–82.
- Якобсон, Р., & Богатырев, П. (1923). *Славянская филология в России за годы войны и революции*. Берлин: ОПОЯЗ.